

Каждая книга Галины Артемьевой оказывает терапевтический эффект, потому что содержит психологический лайфхак, усвоить который легко и интересно.

**Читайте в серии
«Mainstream. Psychological life hack»:**

Новый дом с сиреневыми ставнями
Кто косит травы по ночам
И в сотый раз я поднимусь
Невеста трех женихов
Хозяйка музея
Как бы беременная как бы женщина
Чудо в перьях
Несчастливой любви не бывает

**галина
артемьева**

Хозяйка музея

T8 RUGRAM

Издание подготовлено при содействии Литературного
агентства и школы «Флобериум»

Миссия «Флобериума» — открывать звезды и дарить
их людям, чтобы жизнь стала ярче

Автор и агентство выражают признательность
художнику Владимиру Симонову за возможность
использовать в оформлении репродукции его картин

Я возвращуся к вам, поля моих отцов,
Дубравы мирные, священный сердцу кров!
Я возвращуся к вам, домашние иконы...

...У берега насажу лесок уединенный,
И липу свежую, и тополь осребренный;
В тени их отдохнет мой правнук молодой...

Е.А. Баратынский. «Родина» (1821).

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит...

А после она выплывает,
Как труп на весенней реке, —
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске...

А.А. Ахматова. «Август 1940».

Часть I

МУЗЕЙ НАРОДНОГО БЕССМЕРТИЯ

1. Прибытие

Ах какая сирень повсюду! Какая зелень на деревьях юная! А воздух! Буквально — не надышишься! И отовсюду запахи и звуки детства: весенняя земля благоухает, река плещется, пароходик пыхтит, временами подавая уморительные сигналы.

Елена Михайловна уже отошла от вокзала на изрядное расстояние, когда принялась наслаждаться бурной майской весной маленького неведомого дотолё русского городка. На вокзале об удовольствиях не могло быть и речи: противоестественная для такого местечка толчея и суетня привели столичную жительницу в ужас, ибо сразу подскочили мысли о воровстве, грабеже и разбое. Разумеется, собираясь в дорогу, она приняла положенные меры предосторожности — паспорт и командировочные деньги таились в трусах, в специально пришитом на такой случай карманчике. Елена Михайловна весь путь от Москвы до места назначения животом чувствовала благодатное тепло жизненно важного документа и денежных знаков. Однако в сумке тоже имелись ценности,

которые к телу не прикуешь: мобильный телефон, например, или футляр с очками для чтения, без них она никуда, ничего не прочтет, не разглядит. Пропадут очки — пропала и командировка. Лупа еще мощная при ней, блокнот с адресами и пометками. Вырвут сумочку из рук, и вся дорога зря.

Раньше жулики сочетали свое нечистое искусство с своеобразным благородством и сочувствием: ценности заберут, а ненужное подкинут обокраденной жертве, а то и непосредственно к отделению милиции доставят. Сейчас родная земля наполнилась чужаками без роду, без племени, хлынувшими разбойничать на бесхозных бескрайних просторах. Все для них тут не свое, ненавистное, никого им не жаль, за десятку зарезать готовы, и душа их не дрогнет, и покаяния не дождешься, потому что мы для них всего лишь добыча бессловесная на охоте, как белка или заяц: покричит-покричит перед смертью, затихнет — и можно шкуру обдирать, радуясь удаче.

На вокзальной площади происходило светопредставление. Смугломордые чужаки несли свою тарабарщину, вопили зазывно исконно-посконные российские цыганки с цыганятами, обещая сказать судьбу и требуя подать деткам на кусочек сухаря. И над всем этим нечистым разноцветьем — куполом высился незатейливый, но доходчивый русский мат, до отвращения густо пропитанный похмельными испаре-

ниями. Жизнь кишела червями, как в выгребной яме. Казалось, спасу не будет от этой чумы.

Без всякой надежды продралась Елена Михайловна сквозь привокзальное похабство, держа курс на виднеющиеся издалека кресты храма. И — надо же! Не прошло и десяти минут, как станционные впечатления оказались напрочь забытыми, и нахлынула почти навеки почившая, почти утраченная радость бытия, охватила сумасшедшая вера в будущее счастье. Будто ничего еще и не начиналось. Будто все еще впереди.

Ах! Только ради этого ощущения, ради живой воды чувств стоило проделать такую дорогу.

Неведомо сколько простояла Елена Михайловна на мосточке у реки, надышалась ее русалочьим манящим запахом и нехотя опомнилась. Ее ждут. Возможно, уже обеспокоены отсутствием. Она достала из сумочки плотный листок, на котором красивым уверенным почерком обозначался адрес и схема передвижения к месту назначения. Музей народного бессмертия. Название какое-то немыслимое, хотя, поразмышляв, не придерешься — имя, так сказать, на все времена. И в пир, и в мир, и в добрые люди.

И верно — музей с этим самым названием продержался с момента основания в 1927 году (к десятилетию навеки нерушимой советской

власти) последующие восемьдесят лет, пережив:

- агонию коллективизации;
- массовое истребление народа под видом врагов народа;
- тяготы Великой Отечественной войны с недолговременным даже занятием города вражескими полчищами;
- послевоенную разруху;
- новую волну истребления чудом оставшегося в живых народа под видом врагов народа;
- разоблачение свиноподобным лидером культа личности сыгравшего в ящик грозного тирана;
- нашествие кукурузы на среднерусские поля;
- «чувство глубокого удовлетворения» бровастого генсека, сместившего волюнтаристски беснующегося свиноподобного;
- парочку безвременно почивших, слишком поздно дорвавшихся до власти партийных старателей, не успевших поцарствовать всласть;
- ненароком сокрушившего несокрушимую и величавую державу ставропольца, по недомыслию и мягкотелости затеявшему самому непонятно что;
- лихого президента-алконоида, сварганившего беспримерный в многотрудной истории государства грабеж и распад.